

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/78/7

Автопародия в творчестве Всеволода Иванова

Елена Алексеевна Папкина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия
elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Аннотация

Рассматривается автопародия в произведениях Всеволода Иванова 1910–1920-х гг. Доказывается, что у истоков автопародии писателя стоял не социальный заказ на «Красного Пинкертона» и общение Иванова, как члена группы «Серапионовы братья», с теоретиками литературной пародии, а присущая ему, начиная с раннего, сибирского периода творчества, склонность к практически одновременному воплощению главных мотивов своей прозы в трагическом и комическом вариантах. Автопародии Иванова были рождены осознанием невозможности воплощения своих стремлений, а также желанием утвердить для себя правильность своего нового пути в жизни и в искусстве.

Ключевые слова

автопародия, саморефлексия, Вс. Иванов, источники автопародии

Для цитирования

Папкина Е. А. Автопародия в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 91–100. DOI 10.17223/18137083/78/7

Self-parody in the works of Vsevolod Ivanov

Elena A. Papkova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Abstract

The paper considers self-parody as a kind of self-reflection in the works of Vsevolod Ivanov in the 1910s–1920s. The most striking and well-known self-parody example is the image of the Chinese Shin-Bin-Wu in the adventurous novel “Iprit” that comically reinterprets one of the plot twists and the same type of character in the famous story about the Civil War “Bronepoezd 14-69”. The origins of the self-parody are not due to external reasons: the social order for the “Krasny Pinkerton,” communication between Ivanov, as a member of the “Serapionov Brothers” group, and theorists and practitioners of literary parody. Ivanov’s self-parody is conditioned by internal sources. The works of the 1910s reveal the young writer’s

© Папкина Е. А., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 91–100
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 91–100

tendency to embody the main topics and motifs of his work almost simultaneously in tragic and comic variants. It is suggested that the writer's self-parodies of 1918s–1919s originate from his awareness of the illusory nature of his aspirations and ideals and the impossibility of their realization. Also, a parody autobiography of 1922, in the spirit of “The Three Musketeers,” interpreting the tragic events of the Civil War in Siberia, self-parodies of the 1920s (the peasant revolution, the “secret secrets” of the human soul, the ideals of the “hearth-house” and the “mother and comforter of sorrows” destroyed during the revolutionary period) are assumed to be the author's attempt to renounce some facts of his real or artistic biography, his desire to internally confirm for himself the correctness of his new path in life and art.

Keywords

auto-parody, self-reflection, V. Ivanov, sources of auto-parody

For citation

Papkova E. A. Self-parody in the works of Vsevolod Ivanov. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 91–100. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/7

Автопародия, или самопародия, изучена мало. О. Ю. Анцыферова называет автопародию одной из разновидностей саморефлексии, необходимым условием которой в творчестве писателя является «такая ситуация, когда автор-творец <...> становится одновременно и субъектом и объектом собственной художественной или литературно-критической мысли» [2004, с. 48]. Саморефлексия, как указывает исследователь, «может воплощаться во всякого рода автокомментариях, автопредисловиях и заключениях, реализовываться в автопародии» [Там же, с. 49]. Подлинным расцветом автопародии отмечено искусство постмодернизма. Однако и в предшествующие периоды истории литературы, в частности в эпоху романтизма, как убедительно показано в монографии Анцыферовой на примере анализа новеллы Э. По «Человек, которого изрубили в куски» (1838), автопародия находила свое воплощение.

Применительно к творчеству Всеволода Иванова, одного из наиболее оригинальных русских писателей XX в., жанр автопародии рассматривается впервые. Переизданные в 2000-е гг. без цензурных искажений его лучшие книги 1920-х гг.: «Тайное тайных» и «Бронепоезд 14-69» – не способствуют изучению его как автора произведений, написанных в комическом ключе. Вопрос о смеховой культуре в творчестве писателя впервые возникает применительно к экспериментальным романам 1930-х гг. «Кремль», «У», «Похождения факира» (см.: [Краснощекова, 1980, с. 189–190, 195–273; Якимова, 2019, с. 177–192]) и комедиям «Алфавит» и «Синий в полоску» [Неизвестный Всеволод Иванов..., 2010, с. 170–235].

Наиболее яркий пример автопародии представляют два произведения Иванова – повесть «Бронепоезд 14-69» (1921), принесящая писателю заслуженную славу, и написанный совместно с В. Б. Шкловским роман «Иприт» (1924). В четвертой главе «Бронепоезда» появляется китаец Син-Бин-У, партизан. Рассказано, как он «возненавидел японцев» и оказался в отряде: «У Син-Бин-У была жена, из фамилии Е, крепкая манза <...> и за манзой желтые поля гаоляна и чумизы. А в один день, когда гуси улетели на юг, все исчезло <...> и он ушел с русскими по дороге Хуан-ци-цзе» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 61], т. е. по дороге восстаний. Син-Бин-У убивает японцев, выступает в роли разведчика под видом продавца семечек, а в кульминационный момент, когда восставшие мужики готовы на всё, чтобы остановить идущий белый бронепоезд, ложится на рельсы, стреляет себе в затылок и героически погибает. После сражения остановившийся бронепоезд переходит в руки восставших, а партизан Окорок комментирует смерть китайца:

«А, думаю, в рай он уйдет – за крестьянскую веру пострадал» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 84].

Через три года в написанном совместно с В. Б. Шкловским пародийном авантюрно-приключенческом романе «Иприт» Иванов представляет автопародию на этот сюжет: тот же персонаж, Син-Бин-У, показан не в трагическом, а в комическом варианте. В романе «Иприт» Син-Бин-У «белокур, высоконос, и, если бы не желтизна, его можно было бы совсем принять за европейца» [Иванов, Шкловский, 2005, с. 123]. Он выступает в роли сыщика, охотящегося за шпионом Антанты Реком («Вы арестованы, – вскричал китаец вдохновенно, чувствуя себя самым лучшим красным и желтым Пинкертоном» [Там же, с. 93]), а затем, «памятуя декрет об обязательном бритье, открывает парикмахерскую в кедровом лесу, в плантациях, где собирали орехи, необходимые для приготовления поглотителей газов» [Там же, с. 250–251]. В конце романа, где происходит срывание масок героев, рассказчик – бесстрашный «Тарзан» Пашка Словохотов – раскрывает тайну китаяца: в бане выясняется, что «сыщик Син-Бин-У оказался женщиной. Настоящее имя ее было У-Бинь-Син». Она выходит замуж за водолива Сарнова, и сообщается, что «позже у них были октябрины» [Там же, с. 353]. Наконец, в заключительной главе, где маски срываются вторично, обнаруживается, что Пашка, мирно живущий со своей матерью на окраине сибирского села, всё наврал про свои подвиги в Америке, а его друг китаец, реально содержащий в волости прачечную, произносит обиженную речь: «Меня в девка превратил, замуж выдал. <...> Зачем меня замуж? Мне самой баба надо. Один такой про меня, как ты, говорила: на бронепоезде “14-69” под колеса живой лег. Хе-е... Какой дурака под колеса лег. Я семечком бронепоезде торговал, в Сибила... <...> Учень много врут. У-ух, как многа» [Там же, с. 381–382].

Исходя из текста, проще всего прокомментировать эту автопародию Иванова как отклик на социальный заказ на «Красного Пинкертона», сформулированный в выступлении Н. И. Бухарина в октябре 1922 г. на Пятом Всероссийском съезде РКСМ, и написанные в середине 1920-х гг. в этом ключе многочисленные романы: «Месс-Менд» М. Шагинян, «Остров Эрендорф» В. Катаева, «Грядущий мир» Я. Окунева, «Тайна сейфа» Л. Никулина, «Крушение республики Итль» Б. Лавренёва и др. Д. Д. Николаев, подробно рассмотревший авантюрную и фантастическую прозу 1920-х гг., характеризуя эти произведения, справедливо отмечает: «Критики были абсолютно правы, упрекая авторов в том, что задачи, поставленные Н. И. Бухариным, они не выполнили, да и – добавим – похоже, не особенно стремились выполнить. Н. И. Бухарин призывал создавать серьезные произведения, проникнутые революционной романтикой и способные так же увлечь читателя, прежде всего молодого, как до революции его увлекал “Пинкертоном”. Многие же книги, которые воспринимались как отклики на бухаринский призыв, носили пародийный характер, причем пародийность не только не скрывалась, а даже подчеркивалась. <...> Пародия на “Пинкертона” превращалась в пародию на “Красного Пинкертона”» [Николаев, 2006, с. 148, 152].

Такая трактовка автопародии у Иванова кажется тем более очевидной, что известно, как приехавший в феврале 1921 г. из Сибири в Петроград молодой Иванов по протекции А. М. Горького становится членом содружества «Серрапионовы братья» и общается с теоретиками и практиками литературной пародии: В. Шкловским, Ю. Тыняновым, М. Шагинян – «гостями серрапионов». В литературной студии Дома Искусств, где собирались серрапионовы братья, Шкловский и Тынянов читали лекционные курсы. На 1920 г. были намечены «Теория сюжета» Шклов-

ского и «Пародия в литературе» Тынянова [Фрезинский, 2003, с. 9, 17]. В кругу серапионов пародия была узаконенным жанром. Назовем, например, известную пародию М. Зощенко «Кружевные травы» (1922) на цветистый орнаментальный стиль первых петроградских произведений Иванова: «Шебуршали травы сладостно, будто человечьи кости осенью... (кто сыграет в эти кости?). Ах, травы, травы! Горючий песок! Нерадостны прохожему голубые пески, цветные ветра, кружевные травы» [Зощенко, 1922, с. 9]. Теоретик серапионов Л. Лунц в рассказе-пародии «Хождение по мукам» изобразил свою встречу с рано прославившимся «братом Алеутом» (Ивановым) в 1932 г.: «Из подъезда вышел окруженный свитой человек в собольей шубе и направился к автомобилю. Должно быть, я уставился на него уж слишком рьяно, так что некий черный человек из свиты зашептал что-то на ухо Всеволоду. Тот обернулся ко мне, нахмутив брови. Узнал, подлец! И, обратившись к “адъютанту”, буркнул: Гони в шею» (цит. по: [Фрезинский, 2003, с. 186]).

Опровергает эту красивую концепцию обращение к раннему сибирскому творчеству Вс. Иванова 1915–1920 гг. Пародии и автопародии появились в творчестве молодого сибиряка гораздо раньше и, если и были рождены литературным контекстом, то другим, местным. Первая известная нам автопародия написана на самое ранее прозаическое произведение Иванова, опубликованное в курганской «Народной газете» 26 декабря 1915 г. В тексте, озаглавленном «В Святую ночь», накануне Рождества Ангел Мира и Ангел Смерти ведут философский спор о жертвах мировой войны и о «неблагодарных», «обуреваемых темными желаниями» людях, которые, как утверждает Ангел Смерти, недостойны мира. «Прекрасный и кроткий» Ангел Мира, плачущий от жалости к матерям, потерявшим детей, к разоренным жилищам и полям, не находит слов, чтобы переубедить Ангела Смерти, и по «красным волнам» бессильно плывет «упавшая в реку пальмовая ветка» [Неизвестный Всеволод Иванов..., 2010, с. 102–103].

Через три года, в апреле 1918 г., в изданной Вс. Ивановым с участием А. С. Сорокина газете «Цеха сибирских писателей и художников» «Согры» под псевдонимом «Макс Жеекард» появится «юмореска» Иванова «Ангел мира». Те же главная тема и персонаж предстают здесь в пародийном ключе. Херувим, «прекрасный, как аэроплан», объявляет небесное «предписание»: «На земле третий год война – приказано прекратить. Здесь вот предписание, маршрут и чеки в банки. Вам отправляться, Ангел Мира, – обратился он к тощему и бледному ангелу в зеленом фраке. <...> Зайдите в костюмерную, оденьтесь; захватите пальмовую ветвь и наденьте парик – так неудобно, люди привыкли нас видеть авантажными». Ангел Мира, прибывший на землю после Февральской революции, посещает в Государственной Думе князя Львова, Милюкова, Керенского, всем пытается объяснить, что «народ миру хочет», но никто его не слушает. Происходит «октябрьский переворот», а у ангела происходят различные злоключения: во время поездки по железной дороге (что он делает из демократизма) у него крадут чемодан с пальмовой ветвью и крыльями, конфискуют, как «предприятие капиталистическое», типографию, в которой он выпускает «брошюры Льва Толстого против войны», не берут на советскую службу и т. п. Понимание Ангел Мира находит лишь в Красной гвардии, в которую и вступает¹, парадоксально предвосхищая тем самым реальный факт биографии автора – тот недолгий момент

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 17–18.

в июне 1918 г., когда сам Иванов накануне мятежа чехословацкого корпуса, будучи членом партии меньшевиков-интернационалистов, вступает в Красную гвардию. Показательно, что после 1918 г. Иванов не будет писать произведений в стилистике своего первого рассказа «В Святую ночь».

Другая ранняя автопародия будет посвящена одному из важных сибирских вопросов, сформулированных лидером областников Г. Н. Потаниным, – вопросу о просвещении в стране. 26 сентября 1918 г. в эсеровской газете «Дело Сибири» печатается статья типографского рабочего Иванова «О кооперативном издательстве писателей-рабочих». Новое издательство он призывает организовать, противодействуя бульварной прессе: «Вместо книги выступает на сцену неестественно-искривленной физиономией пинкертоно-похабный Хам. Конечно, такие гнилушки не загорятся пламенем и, напалив, скоро угаснут. Лишь бы не были они гнилушками бывшего Великана Книги» [Неизвестный Всеволод Иванов..., 2010, с. 125]. И тот же Иванов в недатированной автопародии «Полочка» высмеивает собственные идеалы: полочка с «интересными и умными» книгами падает, убивая мальчика-горбуна, увлеченного чтением, но освобождает путь на свободу таракану².

Автопародии Иванова в 1910-е – начале 1920-х гг. распространяются не только на ведущие темы его творчества (война и мир, «Великан Книга», крестьянская революция и др.), но и на собственную автобиографию. Впервые пародийный авторский образ появляется в написанной Ивановым «лирической потрясающей трагедии или памфлете» «Гордость Сибири Антон Сорокин» (1918). Всеволод Иванов здесь – «красивый молодой человек античного типа, некоторая примесь инородческой крови <...> Постоянно на лице написано грозное величие» [Там же, с. 145]. В середине пьесы весело обыгрывается факт эпистолярного общения автора с А. М. Горьким, которому Иванов, без сомнения, придавал серьезное значение, и его результат – публикация рассказов молодого сибиряка во втором «Сборнике пролетарских писателей» (1917): «Появляется Максим Горький, лижет его в затылок, гладит по спине “Сборником пролетарских писателей”» [Там же, с. 148].

Абсолютно пародийную автобиографию писателя мы видим на страницах журнала «Литературные записки» (1922. № 3. С. 26–27), где были напечатаны автобиографии серапионов. Текст Иванова, повествующий о его участии в событиях в Сибири в 1919 г., писатель Б. Д. Четвериков – как и Иванов, сотрудник колчаковской газеты «Вперед!», уезжавший вместе с ним на Восток зимой 1919 г., когда отступала армия бывшего Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, – комментировал так: «Читал и веселился. Это была совсем не автобиография. Это был забавный детектив, увлекательно написанный рассказ – с невероятными казусами, приключениями героев, очень характерный именно для Всеволода. Чего тут нет! И выстрелы, и обыски, и – как полагается – блестящие колчаковские офицеры. <...> И я от души смеялся, читая о невероятных приключениях моего факира и глотателя шпага. Как он, будучи в полусознании, в тифозном жару и бреду отбивался от типографских рабочих, угрожая им наганом... <...> Как в вагон вбежал “безусый прапорщик”, колчаковский офицер, и отобрал у Всеволода “шинелишку” (значит, Всеволод был военный?)...<...> Затем Всеволода схватил “партизан-кержак” и хотел пристрелить, но увлекся богословским

² Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 38а.

спором о том, есть Бог или нет Бога, и в результате <...> “убрал наган, плюнул и ускакал” <...> Но и этим приключения не кончались. Всеволода арестовали в Ново-Николаевске и повели на расстрел, но его спас “наборщик Николаев в буденовке с ярко-красной звездой и рукой на перевязи”... Автобиографического здесь было мало. Может быть, совсем не было. Очень, правда, увлекательно, но всё, конечно, чистейший вымысел, творчество, кстати, мало отражающее события в Сибири в дни колчаковщины. Всеволод превращает жуткую кровавую трагедию, разыгравшуюся в Приуралье и на просторах Сибири в 1918–1920 годах, в смешной фарс, в приключенческую пустяковину». Недоумевая по поводу того, зачем это понадобилось Иванову, Четвериков подыскивает объяснения: «...захотелось ли Всеволоду позабавиться, или был чей-то издательский или читательский заказ, но факт тот, что “Автобиография” была написана и издана. <...> ...забавно, весело, лихо. <...> в духе “Трех мушкетеров”. <...> у Всеволода были, очевидно, какие-то причины, чтобы вообще не рассказывать о периоде колчаковщины»³.

Гражданская война в Сибири – одна из главных, больных тем Иванова. К отступлению армии зимой 1919 г., звону замерзших трупов, страшным бежецким эшелонам он будет возвращаться всю жизнь, с течением времени делая всё более автобиографическим (без автопародии) свой знаменитый «Бронепоезд 14-69». В одном из рассказов на ту же тему, «Происшествие на реке Тун» (1925), автобиографический герой признается: «Я молчу о зиме, все мое сердце привыкло молчать о зиме. Я неожиданно (как мне было б легко, если б я знал это тогда, зимой) весел, глуп...» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 309]. То, что именно эта тема в начале 1920-х гг. подвергается автопародии, кажется удивительным. Возможно, к числу причин, по которым Иванов не рассказал в автобиографии о подлинных событиях своей жизни в период колчаковщины, относится факт его собственного – и достаточно серьезного – сотрудничества в военной газете «Вперед», публикации статей о внешней и внутренней политике Российского Правительства адмирала Колчака в этой и других «белых» газетах. Обо всем этом, вступая в молодую советскую литературу, никак нельзя было рассказывать в том ключе, который бы соответствовал настроению Иванова тех лет и от которого, имея в виду будущий творческий путь, неизбежно надо было отказываться, – отсюда, видимо, и появление «приключенческой пустяковины».

Не менее удивительно и создание автопародий, относящихся к вершинной книге Иванова – «Тайное тайных» (1926), в которой раскрыты трагические для народной души последствия революции, Гражданской войны и нэпа. Со следующей книги, «Дыхание пустыни» (1927), начинается ироническое переосмысление автором ключевых тем и мотивов книги «Тайное тайных». Высокая эсхатологическая интонация «Тайного тайных» сознательно снижена в «восточных» рассказах и «Последнем выступлении факира Бен-Али Бея». Слова «тайное тайных», ни разу не упомянутые в самой книге «Тайное тайных», звучат в «Дыхание пустыни» в совершенно ином, пародийном контексте. «– Где твои тайны тайных – и для чего ты тело безболезненно колешь? Куда ты направляешься, стерва?...» [Иванов, 1927, с. 63] – «вопит» один из героев «Последнего выступления факира Бен-Али Бея». Получилось: нет никаких тайн ни в жизни, ни в душе человека!

По-иному представлена в книге и метатема русской литературы 1920-х гг. – возвращение в отчий дом после Гражданской войны. В рассказах 2-й части книги

³ РО ИРЛИ. Ф. 847. Не разобран.

«Дыхание пустыни» она по-прежнему, как и в книге «Тайное тайных», решается в трагическом ключе. Герои рассказов «Петел», «Зверье», «Старик», «На покой» по-есенински возвращаются на родину. Но ожидает их там либо пепелище («Зверье»), либо всё те же тоска и отчуждение от родных мест («На покой»). Никто не обретает утраченного Дома. Однако идея Дома-очага пародируется в завершающем книгу рассказе «Мудрый Омар», герой которого таки приходит в дом, но путь его описывается Ивановым теперь следующим образом: «Но по дороге он увидел магазин, душа его заиграла, и он поступил как все властители – он купил жене духи, бывшие Брокер, секретарям толстые чулки из туркестанской шерсти (для зимы); он купил всем трем [женам. – Е. П.] по розовой шляпе с фиолетовыми цветами и желтыми лентами; он купил им трусики и на троих (ибо ему не хватало денег) пару лаковых туфель, а на остальное вина и копченой колбасы» [Иванов, 1927, с. 95].

Наконец, центральная для не написанного в 1925 г. романа «Казачьи», замыслом которого Иванов делился с А. М. Горьким в письме, и реализовавшаяся в книге «Тайное тайных» мысль о «погибающем идеале *матери и утешительницы* скорбей, тихой семьи, кротости» [Иванов, 2012, с. 328] пародируется в романе «Кремль» (1929, при жизни писателя не печатался). Главная героиня его, «сектантская богородица» Агафья, «не великая мать, а, оказывается, великая б...» [Иванов, 1990, с. 236].

Попытаемся понять феномен автопародии в творчестве Иванова.

Рассказ-автопародию «Полочка» Иванов подписывает: «Писатель-клоун»⁴. Это отсылка к реальному факту его биографии. В 1913 г. недоучившийся в Павлодарском сельскохозяйственном училище юноша отправляется в странствие по Сибири с бродячим цирком, где исполняет роли куплетиста, клоуна и факира – глотателя шпaga и огня. Возможно, склонность Иванова к игре, аттракциону, клоунаде имела значение для формирования в его творчестве жанра автопародии.

Немалую роль в появлении автопародии мог сыграть учитель молодого Иванова – литературная легенда Омска, мистификатор, скандалист, «король сибирских писателей» Антон Сорокин. «Жулик, – назовет его в 1923 г. в письме из Петрограда в Сибирь другу К. Урманову Иванов и добавит: – Впрочем, я люблю жуликов» [Иванов, 2015, с. 323].

Но, думается, главный источник автопародии у Иванова не внешний, а внутренний. Автопародии раннего, сибирского периода творчества и следующих за ним петроградского и московского периодов имеют, как нам представляется, разные источники. Слова Анцыферовой об автопародии у романтиков: «Понимая иллюзорность собственного сознания, субъект начинает смеяться не только над реальным миром, но и над субъективным миром своих фантазий. Одним из проявлений этого становится самопародирование в творчестве романтиков, когда предметом иронической игры становятся результаты собственных творческих усилий» [Анцыферова, 2004, с. 198], возможно, имеют прямое отношение к автопародиям Иванова «Ангел мира» и «Полочка», где автор горько смеется, осознавая свое бессилие: он не может остановить войну и вернуть былую значимость серьезной литературе. Не исключено, что, создавая автопародии в 1920-е гг., Иванов также с горечью сознает невозможность сохранить в новой реальности героинку подвига мужицкой армии в период Гражданской войны («Иприт»), сокровенный, «тайный» мир народной души («Последнее выступление факира Бен-Али

⁴ ГИАОО. Ф 1073. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 38а.

Бея»), покой Дома-очага («Мудрый Омар»), высокий идеал матери-утешительницы («Кремль»). Однако среди внутренних источников автопародий 1920-х гг. имеется еще один.

А. И. Чагин, разделяя автопародии на «осознанные» и «непроизвольные», замечает: автопародия – это «как бы вывороченная наизнанку творческая биография художника» [2008, с. 549]. В случае Иванова мы также имеем дело с осознанной попыткой писателя отказаться от каких-то фактов своей реальной (например, «белое» прошлое 1919 г.) или творческой биографии, пересмотреть свое творчество и начать новый этап его по-другому – и тематически, и стилистически. Не случайно 1924 г. – время создания романа «Иприт» и 2-я половина 1920-х гг., когда появляются сборник «Дыхание пустыни» и роман «Кремль», – это те периоды, когда Иванов решается на «новый поворот» (заглавие статьи критика З. Малютина, 1930) своего творческого пути. В 1924 г. это попытка повернуть «на Запад», отойти от тем Гражданской войны и мужицкой революции. В это время Иванов пишет авантюрную повесть «Чудесные похождения портного Фокина», работает над неоконченным и сожженным романом о производстве «Северосталь», вместе со Шкловским создает роман «Иприт». Тогда эта попытка поворота не осуществилась: в 1926 г. была написана трагическая книга «Тайное тайных». Истребительная критика, обрушившаяся на ее автора, начавшаяся с 1926 г. антиесенинская кампания заставляют писателя серьезно задуматься о своем дальнейшем творческом пути. Он отправляет письмо И. В. Сталину (датируется не ранее 1930 г.): «...после знаменитой истории с Б. Пильняком у Советской общественности создалось к попутчикам некое настороженное внимание, и наряду с Евг. Замятиным и другими довольно часто упоминалось мое имя как упадочника и даже мистика. Заявления эти остаются на совести моих критиков, и вызваны они были книгой моей “Тайное тайных” и некоторыми рассказами, от стиля которых я теперь отказался...». Иванов пишет, что после поездки с бригадой писателей в Туркмению «дух его стал крепче», просит разрешить ему поездку за границу, к Горькому, дабы «посмотреть, как и чем живут европейские рабочие», и «написать роман о советских горняках» [Большая цензура..., 2005, с. 189–190]. Вероятно, внутренне стремясь утвердить для самого себя правильность своего нового пути, Иванов и создает автопародии на «Тайное тайных». Но если, как отмечает Чагин, автопародия «никогда не бьет по здоровому, острие ее всегда направлено туда, где что-то неблагополучно, она обнаруживает, подчеркивает устарелость, несостоятельность тех или иных художественных средств, форм, тех или иных путей творчества» [2008, с. 554], то в ситуации с Ивановым происходило наоборот. Произведения, создаваемые по принципу автопародии, как указывали критики и признавал сам автор, были существенно слабее тех, на которые эта автопародия была направлена. Приведем лишь один пример. В декабре 1925 г. Иванов отвечал Горькому на просьбу прислать ему роман «Иприт»: «Что же касается детективного нашего со Шкловским романа, то право *очень* плохо, Алексей Максимович, не стоит его читать, да и браниться не стоит» [Иванов, 2012, с. 328].

К 1930-м гг. автопародия практически уходит из художественного мира Иванова, ее место занимает ирония, которая, впрочем, ненамного улучшает его положение среди «советской общественности». Как было отмечено в марте 1936 г. на Общественном собрании писателей по борьбе с формализмом, ирония погубила повесть Иванова «Хабу» и внесла нежелательный пафос в туркменские «Повести бригадира М. Н. Синицына» и роман «Похождения факира» (Литературная газета, 1936, 27 марта, с. 2).

Список литературы

- Анцыферова О. Ю. Литературная саморефлексия в творчестве Генри Джеймса. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2004. 468 с.
- Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Под общ. ред. А. Н. Яковлева, сост. Л. В. Максименков. М.: Материк Демократия, 2005. 752 с.
- Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты истории / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.
- Зоценко М. Кружевные травы // Литературные записки. 1922. № 2. С. 9.
- Иванов Вс. Дыхание пустыни. Рассказы. Л.: Прибой, 1927. 168 с.
- Иванов Вс. Кремль. У. Романы. М.: Сов. писатель, 1990. 528 с.
- Иванов Вс. Тайное тайных / Изд. подгот. Е. А. Папкина, отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: Наука, 2012. 568 с. (Серия «Литературные памятники»)
- Иванов Вс. Тайное тайных. Повести и рассказы. Письма. Новосибирск: ИД «Свиньин и сыновья», 2015. 400 с.
- Иванов Вс., Шкловский В. Иприт. Роман. СПб.: Ред Фиш, ТИД «Амфора», 2005. 399 с.
- Краснощекова Е. А. Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980. 352 с.
- Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / Отв. ред. Е. А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
- Николаев Д. Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. 686 с.
- Фрезинский Б. Судьбы серапионов (Портреты и сюжеты). СПб.: Академический проект, 2003. 590 с.
- Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 593 с.
- Якимова Л. П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30-х годов XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 256 с.

References

- Antsyferova O. Yu. *Literaturnaya samorefleksiya v tvorchestve Genri Dzheymisa* [Literary self-reflection in the works of Henry James]. Ivanovo, ISU, 2004, 468 p.
- Bol'shaya tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov, 1917–1956* [Great censorship. Writers and journalists in the Country of Soviets, 1917–1956]. A. N. Yakovlev (Ed.), L. V. Maksimenkov (Comp.) Moscow, Materik Demokratiya, 2005, 752 p.
- Chagin A. I. *Puti i litsa. O russkoy literature XX veka* [aths and faces. On the Russian literature of the 20th century]. Moscow, Institute for Linguistic Studies RAS, 2008, 593 p.
- Frezinsky B. *Sud'by serapionov (Portrety I syuzhety)* [The fates of the Serapions (Portraits and plots)]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2003, 590 p.
- Ivanov Vs. *Dykhaniye pustyni. Rasskazy* [Breath of the desert. Stories]. Leningrad, Priboy, 1927, 168 p.
- Ivanov Vs. *Kreml'. U. Romany* [Kremlin. U. Novels]. Moscow, Sov. Pisatel', 1990, 528 p.

Ivanov Vs., Shklovskiy V. *Iprit. Roman* [Iprite. Novel]. St. Petersburg, Red Fish, TID “Amfora”, 2005, 399 p.

Ivanov Vs. *Taynoe taynykh* [Secret of secrets]. E. A. Papkova (Pep. of the ed.), N. V. Kornienko (Ed.). Moscow, Nauka, 2012, 568 p. (Seriya “Literaturnye pamyatniki” [Series “Literary monuments”])

Ivanov Vs. *Taynoe taynykh. Povesti i rasskazy. Pis'ma* [Secret of secrets. Novels and stories. Letters]. Novosibirsk, “Svin'in i synov'ya” Publ. House, 2015, 400 p.

Krasnoshchekova E. A. *Khudozhestvennyy mir Vsevoloda Ivanova* [The artistic world of Vsevolod Ivanov]. Moscow, Sov. Pisatel', 1980, 352 p.

Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity]. E. A. Papkova (Ed. in Ch.). Moscow, Institute for Linguistic Studies RAS, 2010, 784 p.

Nikolaev D. D. *Russkaya proza 1920–1930-kh godov: avanturnaya, fantasticheskaya i istoricheskaya proza* [Russian prose of the 1920s–1930s: adventurous, fantastic and historical prose]. Moscow, Nauka, 2006, 686 p.

Vsevolod Ivanov. “Bronepoezd 14-69”: Konteksty istorii [“Armored train 14-69”: Contexts of history]. N. V. Kornienko (Ed. in Ch.). Moscow, Institute for Linguistic Studies RAS, 2018, 736 p.

Yakimova L. P. “*Pri zhizni proizvedev v Klassiki*”. *Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20–30 godov XX veka* [“During his life he was made a classic”. Vsevolod Ivanov in the literary-historical context of the 20–30s of the 20th century]. Novosibirsk, SB RAS Publ. House, 2019, 256 p.

Zoshchenko M. *Kruzhevnye travy* [Lace herbs]. *Literaturnye zapiski*. 1922, no. 2, pp. 9.

Информация об авторе

Елена Алексеевна Папкова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the author

Elena A. Papkova, Candidate of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 16.01.2021;
одобрена после рецензирования 19.02.2021; принята к публикации 19.02.2021
The article was submitted 16.01.2021;
approved after reviewing 19.02.2021; accepted for publication 19.02.2021*